

БОР. ЗАЙЦЕВЪ.

БЕСѢДА
О ВОЙНѢ

Москва—1917 г.

ЦѢНА 30 КОП.

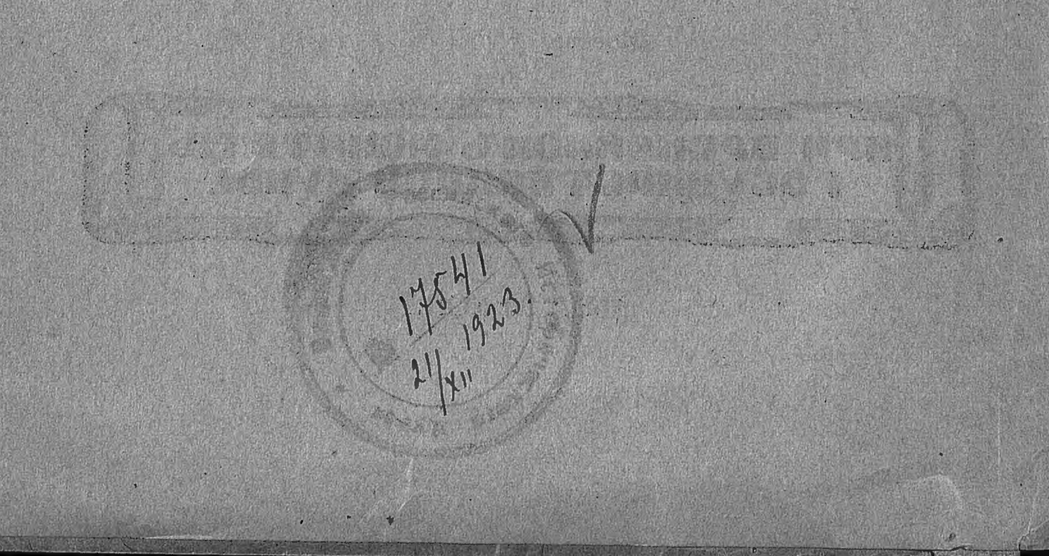
БОР. ЗАЙЦЕВЪ.

БЕСѢДА О ВОЙНѢ.

Москва—1917 г.

ЦѢНА 30 КОП.

17541
21/XII 1923.

Насталъ вечеръ,—теплый лѣтній вечеръ послѣ знойнаго дня. Полагалось въ лагерѣ уже спать. Но во многихъ палаткахъ, размѣщенныхъ въ правильномъ порядкѣ среди лѣса, свѣтился еще огонь. Солдаты играли въ карты.

Дежурный офицеръ Ивановъ, намаявшись за день, снялъ фуражку и вышелъ изъ своей караулки. Былъ онъ не первой молодости, бородатый, въ поношенномъ платьѣ, запыленныхъ сапогахъ. Отойдя немного, Ивановъ сѣлъ, просто на траву. Изъ-подъ куста, въ нѣсколькихъ шагахъ, доносились голоса. Чиркнула спичка, огонекъ освѣтилъ лицо солдата, лежавшаго на животѣ. Онъ внимательно, съ серьезностью закуривалъ.

— Клугинъ, вы, что ли?—спросилъ Ивановъ.

— Такъ точно, господинъ прапорщикъ, отвѣтилъ негромкій, пріятный голосъ, тульско-рязанскаго выговора.

— Или спать не хочется?

— Теперича наши до утра въ карты рѣзаться будутъ. Съ ними не заснешь, господинъ прапорщикъ.

— Сво-бода! сказалъ другой голосъ.—Свободу свою примѣняютъ.

Ивановъ узналъ темноглазаго унтеръ-офицера Ларіонова, человѣка смышленаго, изъ приказчиковъ.

— Огонька у васъ не раздобуду?—спросилъ онъ, подходя.— Ни одной спички, чортъ бы ихъ побралъ.

Ларіоновъ, сидѣвшій на корточкахъ, немного приподнялся и зажегъ спичку. Ивановъ закурилъ, Теперь замѣтилъ онъ и третьяго солдата, молодого, со вздернутымъ носомъ и задорными глазами. Фуражка его, съ красной ленточкой на кокардѣ, была на затылкѣ; на ногахъ штиблеты и суконная обмотка.

— Значитъ, у васъ тутъ цѣлое собраніе, сказалъ Ивановъ.— И какъ разъ наша рота.

— Спать что-то не спится, господинъ прапорщикъ, отвѣтилъ Ларіоновъ.—А между прочимъ, и пора бы спать, днемъ съ караула смѣнились, а подъ вечеръ и прошлись порядочно, до самаго до Братскаго кладбища.

— И чего это туда ходить, сказалъ Клугинъ: только себя разстраивать. Какъ посмотришь, все-то лежатъ, могилки да могилки, ахъ ты Господи Боже мой, Создатель небесный, да что же это такое? Сколько же народу уложено?

Молодой солдатъ сплюнулъ.

—Даже и безъ всякаго царя небеснаго. Цари и капиталисты. Ихъ дѣло.

Ларіоновъ почти что согласился.

— Я такъ считаю, что простому народу эта война даже очень мало нужна.

Клугинъ попрежнему лежалъ на животѣ, и пощипывалъ травку. Черный мундиръ на немъ былъ разстегнутъ. Онъ курилъ, и изрѣдка подымалъ на собесѣдника голубые, усталые глаза.

— Взять хотя бы меня. Жилъ я себѣ въ деревнѣ, у меня жена, дѣтишки. Я никого не трогаю, меня не трогаютъ. Нѣтъ, оказывается—на войну попалъ. Въ газовую команду. Газъ этотъ самый на нѣмцевъ пускали. Та-ак-съ. А тамъ и они насъ потравили. И даже я сталъ кровью харкать. Меня поручикъ Веселовскій все химикомъ звалъ. «Ну, что, химикъ, какъ здоровье?» А ужъ тутъ какое здоровье! Прямо химикъ.

Ивановъ поддержалъ его.

— Послѣднее это дѣло—воевать!

— Дозвольте спросить, господинъ прапорщикъ, сказалъ Ларіоновъ, съ обычной степенностью и почтительностью солдата бывалаго: разъ, положимъ, всѣ противъ войны высказываются, и простые, и образованные, и думаю, не только что у насъ, но и во всемъ свѣтѣ, такъ чего-жъ ее не кончать? Вѣдь знаете, ужъ совсѣмъ терпѣнія не хватаетъ. Прямо—силъ больше никому нѣтъ.

— Да, у насъ съ вами силъ нѣтъ, а у нѣмцевъ есть. Какъ думаете, почему?

— Здоровы очень, сукины дѣти, сказалъ Клугинъ задумчиво.—Даже очень хитрѣйшій народъ.

— Ну, а я думаю, и понимаютъ они эту войну получше, чѣмъ мы, русскіе. Больше знаютъ, изъ-за чего воюютъ—и крѣпче держатся. Кончить же ее сейчасъ, дѣйствительно, трудно.

— Мы тоже знаемъ, сказалъ молодой солдатъ: мы знаемъ, что для того насъ бьютъ, чтобы капиталисты наживались.

— Капиталисты-то нѣкоторые наживаются, это что говорить, наживаются они и въ Германіи, однако, тамошніе рабочіе, и крестьяне дерутся такъ, какъ дай Богъ всякому. А кто не на войнѣ, то дома за четверыхъ работаютъ. И конечно, намъ съ ними трудно бороться. Они всѣ заодно, а мы только и дѣлаемъ, что другъ съ другомъ грыземся, никакого единенія нѣтъ. Намъ и тяжко. Одни хотятъ съ нѣмцами воевать, другіе съ ними братаются. На этомъ далеко не уѣдешь.

— Я про то и говорю, господинъ прапорщикъ, сказалъ Ларіоновъ: что намъ непонятно, изъ-за чего же столько народовъ три года кровь-то свою, какъ воду льютъ? И какъ бы сказать,

всѣмъ очень туго, еле дышутъ, а между прочимъ война не кончается. Наши было сказали, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ: такъ и такъ, молъ, товарищи, которые трудовые люди въ другихъ странахъ: давайте мириться, чтобы миръ былъ безъ аннексій и контрибуцій, чтобы, значитъ, никто ни съ кого шкуры не д̀ралъ, а все-жъ таки выходитъ, что такого мира никто признать не хочетъ, и попрежнему пушки палятъ, кровь льется—что такое за несообразное дѣло?

— Потому что нашимъ союзникамъ, сказалъ молодой солдатъ: хочется захватовъ и контрибуцій. Англія колоніи желаетъ взять, Франція Эльзасъ и Лотарингію. Все такіе же капиталисты, вездѣ одно, прибавилъ онъ презрительно.

Ивановъ помолчалъ. Онъ глядѣлъ въ сторону Москвы. По Ходынкѣ кой-гдѣ свѣтились костры—солдаты играли въ карты. За полемъ темная полоска—Петровскій паркъ. Правѣе, на Александровскомъ вокзалѣ, блестѣло электричество, высились постройки, дома, колокольни Москвы. Надъ городомъ—голубоватое зарево; а еще выше—синее небо, легкій безпредѣльный просторъ.

— Чтобы отвѣтить вамъ, сказалъ Ивановъ, надо начинать съ начала, съ самаго возникновенія войны, даже ранѣе.

Онъ откашлялся, закурилъ новую папиросу.

— Дѣло все въ томъ, что лѣтъ шестьдесятъ, семьдесятъ тому назадъ Германія совсѣмъ не то была, что теперь. Не то что великая держава, а просто нѣсколько княжествъ и королевствъ—среди нихъ—Пруссія. Народъ, однако, умный, трудолюбивый и гордый. Онъ сталъ силу свою сознавать, и по этой силѣ надо бы ему больше власти. Да и богатства уже подкопили. Въ то время, какъ бываетъ всегда, нашелся у нихъ, въ Пруссіи, человѣкъ, Бисмаркъ, который сталъ во главѣ государства, первымъ министромъ при королѣ Вильгельмѣ I. Бисмаркъ подготовилъ армію, финансы. Начались войны. Сперва отхватили кусокъ у датчанъ. Потомъ побили австрійцевъ—австрійцы для того и существуютъ, чтобы ихъ били. Во главѣ мелкихъ германскихъ государствъ стала Пруссія. Но самое-то главное—надо было одолѣть Францію, могущественную сосѣдку, гдѣ въ то время императоромъ былъ Наполеонъ III. И одолѣли. Тотъ же Бисмаркъ, въ 1870 г., съ помощью отлично устроенной арміи, разбилъ французовъ совершенно. Взяли въ плѣнъ Наполеона, взяли Парижъ. Миръ заключили такой, что французамъ пришлось платить 5 милліардовъ франковъ контрибуціи, да землю отдать, цѣлыя провинціи—Эльзасъ и Лотарингію. Нѣмцы тогда по всей сѣверной, и восточной Франціи прошли—ну, показали себя такъ же, какъ теперь въ Бельгіи. Мы и не знаемъ здѣсь, какъ французы ненавидятъ нѣмцевъ—много отъ нихъ тогда натерпѣлись. Мнѣ одна старушка француженка, разсказывала:

«Мы, говоритъ, въ Парижѣ, во время нѣмецкой осады, мышами питались. А кониной—какъ роскошью. Дѣтямъ трудно приходилось».

Послѣ этой войны была провозглашена Германская имперія—и Вильгельмъ I сталъ императоромъ. Деньги, награбленныя съ французовъ, пошли впрокъ. Нѣмцы расторговались, еще больше стали богатѣть. Фабрики и заводы росли во множествѣ. Такъ процвѣла промышленность, и торговля, что продавать у себя дома негдѣ стало,—надо въ другихъ странахъ захватывать рынки. Для этого стали всюду разсылать своихъ комиссіонеровъ, вездѣ связи завели, торговлю,всюду втерлись. Правда, и товары у нихъ дешевле и порядочнѣе, разсчитанные на широкое потребленіе.

Построили огромный флотъ, и торговый, и военный,—тянулись за Англіей. Обзавелись колоніями, куда товары возили на корабляхъ. Умеръ Вильгельмъ I. На престолъ вступилъ Вильгельмъ II, человѣкъ способный, самонадѣянный и дерзкій въ высшей степени. Онъ все ту же линію велъ, только Бисмаркъ хотѣлъ сдѣлать Германію первой въ Европѣ, а этотъ—первой въ мірѣ. Флотъ, армія, колоніи—все росло. Въ 1904 г. очень удачное дѣло вышло съ Россіей. Надо сказать, что нашего царя Вильгельмъ всегда поддерживалъ; отлично понималъ, что Россія свободная, сильная, никакого интереса для нихъ не представляетъ. А вотъ если Россія на уровнѣ Сербіи, или Болгаріи, это великолѣпно; Россія намъ хлѣбъ, дрова, кожи,—сырье, а мы ей машины, матеріи, краски—десятки вещей, что на нашихъ фабрикахъ выработано. И совсѣмъ не требуется, чтобы въ просвѣщенной Россіи собственныя фабрики заводились. Нѣмцы все сдѣлаютъ лучше и дешевле.

Случилась у насъ въ 1904 г. японская война, а за ней революція. Царскій тронъ покачнулся—все же, не упалъ. Но затрудненіе у правительства было большое. Нѣмцы воспользовались. У насъ не было тогда Государственной Думы. Подъ шумокъ нѣмцы съ нашимъ правительствомъ заключили такой договоръ, что мы за хлѣбъ, который въ Германію веземъ, особую пошлину имъ уплачиваемъ. Если же договора не принять, грозили войной, а мы были совсѣмъ ослаблены японской исторіей.

Договоръ на десять лѣтъ, до 1914-го года. Такимъ образомъ, они съ нами и не воевали, а каждый годъ прикарманивали милліоны нашихъ денегъ. Пока были мы вполнѣ безграмотной, и полурабской страной, понятно, насъ они и вовсе не боялись. Все-таки, понемногу и Россія крѣпла. Мало того, что одна Россія. На Балканскомъ полуостровѣ въ 1912—13 гг. сербы, болгары, и греки почти-что выгнали турокъ. Нѣмцамъ это очень не нравилось. А наши какъ разъ этихъ, возставшихъ славянъ и грековъ—поддерживали. Нѣмцы же всегда считали, что на Балкан-

скомъ полуостровѣ ихъ вліяніе, торговля должны быть безпрепятственны. И даже далѣе, въ Малую Азію, на Багдадъ они зарились. Т.-е.—вѣрнѣе, ихъ купцы и промышленники. А соціалисты помалкивали, кромѣ очень немногихъ. Почему молчали? Этого ужъ я не знаю. Почему позволили, и даже не протестовали—обмануть, и насиліемъ обойти весь русскій народъ, всѣхъ русскихъ трудящихся—тѣмъ, что заключенъ былъ договоръ о хлѣбныхъ пошлинахъ? Вѣдь нѣмецкіе соціалисты знали, что это значитъ—воспользоваться бѣдой ближняго, и обобрать свою же братію, пролетаріевъ. Да. Но они очень практическіе, видно, люди. Можетъ быть, чувствовали, что не только ихъ купцамъ, но и имъ самимъ это выгодно. Не думайте, нѣмецкіе рабочіе отлично понимаютъ, что имъ *тоже выгодно*, чтобы нѣмецкая промышленность процвѣтала. Они тогда больше зарабатываютъ.

Ивановъ остановился на минуту, передохнулъ, и продолжалъ:

— Чтобы вамъ яснѣе было, надо немного сказать объ Англіи. Послѣднія лѣтъ двадцать пять нѣмцы старались на морѣ стать, если не выше, то вровень съ англичанами, чтобы обезпечить себѣ морскую торговлю и владычество въ колоніяхъ. Англія—не военная держава; у ней ни воинской повинности до войны не было, ни войска; ну, а флотъ могущественный; за флотомъ нѣмцы, какъ ни старались, угнаться не могли. Но все же въ торговлѣ соперничество между ними шло огромное; и надо сказать, за послѣднее время нѣмцы въ самую Англіи со своими товарами проникли, не говоря уже объ англійскихъ колоніяхъ. Однако, Англія страна столь богатая и сильная, что нѣмцы давно поняли: именно Англія поперекъ дороги имъ стоитъ. Если бы не она, то куда легче было бы міровое господство осуществить, полміра обратить въ свои колоніи, а четверть міра—завоевать. Конечно, и англичане тоже не такіе люди, чтобъ признать надъ собой чье-нибудь господство. Все же, до поры до времени, помалкивали обѣ стороны—выжидали. Россія же, послѣ японской войны, занялась перестройкой арміи. Японская неудача многому научила. Да и чувствовалось, что если нѣмцы напрутъ, то съ плохой арміей пропадешь. А нѣмцы о себѣ знать давали. Напримѣръ, въ 1908 г. Австрія *присоединила* къ себѣ Боснію—Герцеговину, даже безъ всякой войны. Всѣ въ Европѣ были поражены, но стерпѣли, потому что никакого союза, и силъ для отпора еще не было. Съ Франціей, правда, у насъ союзъ съ 1891 г., съ Англіей же тогда ничего еще не завязалось; а французы съ англичанами только съ 1904 г. начали немного столковываться—опасаясь нѣмцевъ. Такъ что скандалъ съ Босніей Европа молча съѣла. Нѣмцы же объясняли захватъ тѣмъ, что имъ надо двигаться на востокъ, расширять тамъ свое вліяніе и рынки.

Договоръ о хлѣбѣ съ нами приходилось возобновлять въ 1914 г. Но теперь этого договора Россія не подписала бы. Армія наша крѣпла, къ 1917 году должна была совсѣмъ переустроиться и увеличиться. Затѣмъ существовала Дума, безъ нея договора не подпишешь, она же не позволила бы, дѣло ясное. Вообще, обстоятельства мѣнялись. На Балканскомъ полуостровѣ послѣ войны съ турками 1912—13 гг. сербы очень подняли голову. Ждать для нѣмцевъ становилось опаснымъ—во Франціи вводили трехлѣтнюю воинскую повинность, чтобы увеличить армію. И вотъ-съ, съ начала 1914 года нѣмецкія газеты опредѣленно заговорили, что нужна «предупредительная» война съ Россіей, т.-е. война, предупреждающая усиленіе Россіи. Имъ нельзя было допустить, чтобы Россія отъ нихъ не зависѣла; Россія должна быть рынкомъ сбыта ихъ товаровъ, выплачивать хлѣбныя пошлины, кромѣ того—часть Польши, Литвы пусть отойдетъ къ нимъ, чтобы избытокъ населенія туда переселять, обрабатывать земли и богатѣть. Видите, какъ все отлично выходитъ. Ну, и конечно, поводъ начать войну нашли легко. Вы, навѣрно, слыхали, какъ въ Сербіи молодой человѣкъ убилъ австрійскаго престолонаслѣдника. Тогда Австрія потребовала суда чуть ли не надъ всей Сербіей, съ введеніемъ австрійскихъ чиновниковъ, т.-е. уничтоженія Сербіи, какъ самостоятельнаго государства. Россія вступилась, и пошла писать губернія. Нѣмцы сейчасъ же французскую границу перешли, потому что для нихъ воевать съ русскими—значитъ, одновременно и съ французами, нашими союзниками. Они имъ даже войны не объявляли, прямо вторглись. Вы ужъ знаете, какъ они въ Бельгію ворвались, несмотря на собственное обѣщаніе сохранять ея нейтралитетъ; отсюда удобнѣе имъ было напасть на французовъ; Бельгію они разорили, проникли во Францію, что можно было разграбить—разграбили, повыжгли; кого можно—насиловали, изъ нѣкоторыхъ городовъ населеніе къ себѣ уводили, на работы—какъ въ древности побѣжденныхъ обращали въ рабство. Вообще показали себя тѣми же нѣмцами, которые въ 1870 г. разоряли Францію. Ну, и на насъ налетѣли, подъ Калишемъ. Тоже знаете, конечно, что они тамъ выдѣлывали. Что же стѣсняться? Всѣ другіе народы для нихъ дрянь, удобреніе, какъ они говорятъ: чтобы на этомъ удобреніи великолѣпные нѣмцы расцвѣли.

Вотъ вы меня спросили, обратился Ивановъ къ Ларіонову: изъ-за чего народы три года кровь, какъ воду льютъ. Я вамъ кое-что разсказалъ: какъ война началась, и изъ-за чего, по-моему. Могу яснѣе назвать: изъ-за того, что въ соперничествѣ народовъ Германія съ грубостью и свирѣпостью добивалась верховенства надъ всѣмъ міромъ. Другіе же, въ томъ числѣ и мы, сказали: нѣтъ, этого не допустимъ. Вы, нѣмцы, сами по себѣ, а ужъ намъ разрѣшите жить и работать, какъ намъ удобно.

— Значитъ, сказалъ молодой солдатъ, по-вашему и выходитъ, что одна Германія во всей войнѣ виновата. Нѣмецкіе капиталисты рынковъ хотѣли, а французскіе, англійскіе—не хотѣли? А наше царское правительство? А Италія—небось, такъ на Тріестъ и претъ. Что вы тамъ ни говорите—для насъ всѣхъ это такая же захватная война, какъ и для германскихъ капиталистовъ.

— Что одна только Германія виновата въ войнѣ, я тоже не говорю. Конечно, всѣ, кто желаетъ быть самостоятельнымъ, богатымъ, кто живетъ во имя земныхъ интересовъ, земныхъ благъ—тѣ всѣ отвѣтственны. Если бы сосѣдями Германіи были не англичане, французы и русскіе, а мирные союзы, скажемъ, христіанскихъ общинъ, или толстовцевъ, или индійскихъ мудрецовъ, то вся война обратилась бы въ то, что въ нѣсколько недѣль ихъ сдѣлали бы рабами Германіи. Т.-е.—рабами въ хозяйственномъ и политическомъ отношеніи. Въ духовномъ же,—быть можетъ—самимъ германцамъ пришлось бы учиться у нихъ, какъ учатся англичане у завоеванныхъ ими индусовъ. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ насъ очень много приверженности къ земному благополучію; мы не святые, и не мудрецы; мы люди Европы, гдѣ жизнь, свобода, наслажденіе цѣнятся очень высоко. А если такъ, то и мы, конечно, хотимъ жить лучше, быть свободнѣе и богаче. И Англія, и Франція шли къ этому столѣтіями. Неужели же теперь онѣ измѣнятся? И, понятно, всѣ стали защищать свою землю, достояніе, жилища, богатство. Мало того что защищать, а и свои интересы, свои выгоды соблюдали. И у всѣхъ была мысль—Германію побѣдить. Все-таки, я скажу: ни Англія, ни Франція, ни Россія не собирались Германію разгромить, унизить, обобрать. Ихъ главная цѣль была—обезопасить себя въ будущемъ отъ такой сосѣдки. Нѣмцы же явно зарились на Польшу, Балканы, Сѣверную Францію, гдѣ отличныя копи и рудники. А затѣмъ—на контрибуцію. Я бы такъ сказалъ: нѣмцы горячѣй всѣхъ стали на путь захватыванія власти, богатствъ, на путь хищничества; они дальше всѣхъ по этому пути пошли, меньше всѣхъ стѣснялись; для этой цѣли—больше всѣхъ совершили преступленій по своей гордости и ослѣпленности. Значитъ, и больше всѣхъ отвѣтятъ. Имъ пришлось ужъ признать, что всѣ средства хороши: удушливые газы—они ихъ примѣнили; съ аэроплановъ мирные города бомбардировать—они начали; древніе храмы, библіотеки разрушать—они; подводными лодками пассажирскіе пароходы топить—тоже они.

Вы видите—всѣ силы ума, изобрѣтательности на то направлены, чтобы добиться *власти*, силу свою и богатство утвердить. И это равно—среди богатыхъ и бѣдныхъ, и капиталистовъ, и рабочихъ; рабочіе-то нѣмецкіе вѣдь молчали, когда все это дѣлалось, да и сами отлично насиловали женщинъ въ Бельгіи.

Я бы еще сказалъ: въ Германіи сама мысль эта, мысль о господствѣ силы, преклоненіе передъ силой ужъ нѣсколько десятилѣтій воспитывается въ народѣ. Какъ разъ послѣ побѣдоносной войны съ французами въ 1870 г. это и началось. Выдвинулся у нихъ замѣчательный мыслитель, Фридрихъ Ницше. Онъ возвелъ силу въ божественный культъ; христіанство ненавидѣлъ—считалъ религіей рабовъ, а не свободныхъ, могучихъ людей. И высшимъ образцомъ для человѣчества поставилъ не Бога, а «сверхчеловѣка».Въ родѣ того какъ корабли называются—одни «дрэдноты», а другіе, сильнѣе ихъ—«сверхдрэдноты». Пушки—«сверхпушки».—Это ученіе подхватили, исказили, то, что было въ немъ глубокаго и поэтическаго—отбросили, а въ грубомъ видѣ, опошленное—подъ нимъ можетъ подписаться любой прусскій лейтенантъ.

Спору нѣтъ, что и въ Англіи, и во Франціи, и у насъ въ Россіи есть люди, для которыхъ ужасная война даже выгодна—это разные дѣльцы, спекулянты и владѣльцы предпріятій, работающихъ на войну. Есть, конечно,—особенно въ Англіи, партія богатыхъ, для которыхъ тоже важно сохранить за собой заморскіе рынки, если можно—даже ихъ преумножить. Какъ и нѣмецкіе—англійскіе и французскіе рабочіе тоже практичны и не отказываются отъ своихъ выгодъ. Эти свои выгоды, на ряду со своей независимостью, западные народы, наши союзники, будутъ защищать упорно, серьезно, какъ люди зрѣлые и культурные. И все же, къ счастью, надо сказать, что съ самаго начала войны мы въ союзѣ съ тѣми, кто гуманнѣе, и мирнѣе нѣмцевъ, у кого нѣтъ грубыхъ деспотовъ, какъ Вильгельмъ, нѣтъ придворной военной партіи, для которой война ремесло, средство сдѣлать карьеру. Англія, какъ ужъ я говорилъ, до войны и вовсе не знала военщины. Въ то время, какъ въ германской арміи еще въ мирное время солдатъ жестоко били, усовершенствованными способами, когда въ Австріи ихъ *подвѣшивали*—вы можете узнать, какъ это дѣлается у нашихъ возвратившихся плѣнныхъ—въ это время англійскіе граждане ходили по своимъ городамъ на равной ногѣ съ министрами и королями. Да, попробуйте вздуть англійскаго гражданина! А нѣмецкіе соціалъ-демократы отлично мирились съ тѣмъ, что въ войскахъ у нихъ дерутъ не хуже, чѣмъ у насъ въ Николаевскія времена. Нѣтъ, ужъ это какъ угодно: кромѣ того, что въ каждой странѣ есть рабочіе и капиталисты, въ каждомъ народѣ есть еще свои, *особенныя* черты, наслѣдіе исторіи, выраженіе народнаго характера, духа. Почему въ Германіи и Франціи больше бьютъ дѣтей, даже не очень маленькихъ, чѣмъ въ Италіи или Россіи? Этого изъ буржуазіи не выведешь. Я лично зналъ нѣмецкаго соціалиста, который давалъ затрещины дочери, *пятнадцатилѣтней*! Онъ

былъ очень порядочный, при этомъ человѣкъ. Дочь не находила это дикостью. Попробовали бы вы тронуть русскую гимназистку! А тамъ—всѣхъ ихъ съ дѣтства ведутъ строго, приготовляютъ будущихъ солдатъ, работниковъ *государства*. Государство же ихъ—въ родѣ казармъ: соціалисты покоряются императору, какъ рядовой фельдфебелю.

Вотъ наши, русскіе, обратились съ призывомъ: давайте опредѣлимъ цѣли войны: безъ захватовъ и контрибуцій. Что они намъ отвѣтили?

Ивановъ разволновался, всталъ и отеръ платкомъ лобъ.

— Шишъ съ масломъ показали, кукишъ! А почему? Да отлично поняли: наша армія въ апрѣлѣ, и въ маѣ сражаться не могла, сила ея свелась на пустякъ, такъ станутъ они съ нами разглагольствовать? Нѣтъ-съ, они какъ стояли на своемъ, что сила—все, такъ и остались. И презираютъ насъ, что мы бездѣльничаемъ. Сами же въ это время на французовъ, на англичанъ прутъ. Ихъ мысль очень ясная: пока у насъ тутъ неурядица, побить противниковъ своихъ на западѣ, а ужъ тогда и съ нами расправиться. Ужасно нужно Вильгельму, чтобы у насъ республика была! Не безпокойтесь, какъ только насъ вздуютъ, тотчасъ Николая какого-нибудь разыщутъ намъ на шею.

— А почему же, спросилъ сердито молодой солдатъ: почему же союзники до сихъ поръ ничего намъ не отвѣтили? Они-то на миръ безъ аннексій и контрибуцій согласны? Почему это французы все про свой Эльзасъ толкуютъ, а итальянцы съ Тріестомъ никакъ не могутъ разстаться? Они бъ тоже сказали: мы, какъ русскіе. Тогда и нѣмцы приняли бы нашъ миръ.

— Ну, сказалъ Ивановъ, цѣликомъ за нихъ отвѣтить я не могу, но думаю, что есть основанія. Во-первыхъ, съ самаго начала войны англичане заявили, что борются не для захвата, а для сокрушенія германской военщины, того верховенства надъ міромъ, къ которому стремятся нѣмцы. Главная цѣль войны для нихъ—именно эта. Неужели вы думаете, что Англія пошла бы въ міровую войну изъ-за захвата какихъ-то африканскихъ колоній? Я думаю,—это для англичанъ мелочь. Теперь Америка вступила—и президентъ ея, Вильсонъ, ясно сказалъ въ своемъ посланіи, что американцы добиваются такого мира, по которому образовался бы союзъ всѣхъ державъ, и этотъ союзъ управлялъ бы всѣми дѣлами міра. Ну, а Германія—какою она доселѣ была—на это низачто по доброй волѣ не пойдетъ, потому что хочетъ быть *первой*, а не равной среди равныхъ. Ее надо принудить силой.

Мысль эта вполнѣ ясная, и правильная. Въ каждомъ государствѣ, больше или меньше, установился порядокъ—есть законы, власть, слабый болѣе или менѣе защищенъ отъ сильнаго. Но

между самими государствами — никакой связи, и попрежнему, кто сильнѣй, у кого больше машинъ, пушекъ, пулеметовъ, тотъ и хозяинъ надъ сосѣдями. Этому пора положить конецъ; а пока что—изъ такой жизни вышли разныя обиды, которыя отравляютъ сердца народовъ и мѣшаютъ заключить миръ съ тѣми границами, какія были до войны. Чтобы исправить старыя несправедливости, придется измѣнить старыя границы государствъ, а это уже не будетъ въ чистомъ видѣ миръ «безъ аннексій».

Напримѣръ, больше ста лѣтъ назадъ Польшу разодрали на три части—одну забрали нѣмцы, другую—австрійцы, третью—мы, русскіе. Польша сто лѣтъ стонала подъ чужимъ владычествомъ, задыхалась въ ненависти къ насильникамъ. Про Францію я ужъ говорилъ, какъ у нея отняли Эльзасъ и Лотарингію. Эти провинціи ничего особеннаго изъ себя не представляютъ; французы и такъ очень богаты, имъ эти области нужны, по-моему, не изъ хозяйственныхъ причинъ; а чтобы удовлетворить національную гордость. Оскорбленіе національное смыть. За эти сорокъ лѣтъ во Франціи крѣпко сложилось требованіе «*реванша*» какъ они говорятъ—т.-е. возмѣщенія. «Возстанови мнѣ то, что у меня отнялъ», вотъ что значитъ реваншъ. То же самое и въ Италіи. Если бы время было, я бъ вамъ больше разсказалъ объ этой удивительной, дивной странѣ, откуда, собственно, и все европейское просвѣщеніе пошло, образованность и искусства. Кто хоть разъ тамъ побывалъ, тому ужъ не забыть этого края, этого милаго, привѣтливаго и веселаго народа. И вотъ, народъ итальянскій пятьдесятъ лѣтъ велъ борьбу за освобожденіе съ австрійцами. Въ половинѣ прошлаго вѣка вся сѣверная Италія принадлежала австрійцамъ, вся же остальная Италія была—рядъ мелкихъ областей: въ одной управлялъ Римскій папа, въ другой Неаполитанскій король, въ третьей король Сардинскій. Больше всѣхъ мѣшали Италіи объединиться и добиться свободы—австрійцы. Сколько смѣлыхъ и горячихъ патріотовъ сидѣло въ австрійскихъ тюрьмахъ, погибло въ казняхъ! Не разъ на поляхъ сраженій австрійцы разбивали итальянскія войска—наскоро собранныя, малочисленныя, въ родѣ народнаго ополченія. И все же, въ концѣ Италія своего добилась: австрійцевъ вышибли, итальянскія земли отошли отъ Австріи, соединились подъ управленіемъ итальянскаго короля. Остался Тріестъ, и его область; они и посейчасъ въ рукахъ австрійцевъ—да еще Трентино. Эти мѣста итальянцами населены, а владѣютъ ими австрійцы.

Въ 1908 г., когда Австрія заняла Боснію и Герцеговину, мнѣ пришлось въ Римѣ, на одной площади, гдѣ помѣщается австрійское посольство, видѣть демонстрацію итальянцевъ противъ Австріи. Причина была та, что въ Вѣнѣ и Тріестѣ австрійцы избили итальянскихъ студентовъ. Какое въ Римѣ было негодо-

ваніе! Какъ вопили всѣ мы—и я вопилъ и свисталъ—передъ австрійскимъ посольствомъ. Итальянскіе мальчики закладывали въ ротъ два пальца, и свистѣли оглушительно. Другіе бросали гнилой картошкой въ зеркальныя стекла важныхъ австрійцевъ. Для австрійцевъ же Италія—дрянь, народишко, съ которымъ и разговаривать нечего. Австрійцы, молъ, баре, а это просто шумные итальяшки, макаронники. Ну, вотъ эти макаронники въ 1908 г. ничего не могли сдѣлать, а теперь Горицу уже взяли, и Тріестъ, Богъ дастъ, возьмутъ. Нѣтъ, не могли они въ этой войнѣ сложа руки сидѣть, когда исконные ихъ враги австрійцы, сообща съ нѣмцами, стремились утвердить всемірное свое владычество. Вѣдь если бы имъ это удалось, Италія бы опять сошла на роль рабы?

Наши, русскіе, говорятъ: миръ безъ аннексій, безъ присоединеній. А французы: какъ, Эльзасъ, Лотарингію нѣмцамъ отдать? Итальянцы: Тріеста *не* освобождать? Все оставить какъ было? Ничего не исправить? Тутъ и выходитъ, что надо хорошенько условиться, что значитъ—безъ аннексій. По-моему, если это значитъ—вернуться къ прежнему, какъ до войны было, то это чепуха. Война должна исправить старыя несправедливости, обиды смыть. Я привѣтствую, поэтому, самостоятельность Польши. Но пусть ужъ и австрійцы отдадутъ свою часть Польши, и нѣмцы—свою (Познань). Области Австріи, гдѣ живутъ итальянцы—должны Италіи отойти. Чехія—стать свободной. Бельгія, Сербія—тоже, и имъ должны возмѣстить за то разореніе, какое причинили. Это не будетъ контрибуція, потому что контрибуція есть поборъ съ обиженнаго, съ побитаго въ пользу болѣе сильнаго. А Бельгіи, Сербіи должны помочь возродиться тѣ, кто ихъ раздробилъ. Эльзасъ и Лотарингія по справедливости должны уйти французамъ. Арменія, если можетъ жить самостоятельно, то пусть живетъ; но никакъ не въ турецкихъ рукахъ—нѣтъ, довольно ужъ турки ихъ рѣзали. Этому пора конецъ положить. И все-таки, главное въ мирѣ будущемъ то, чтобы подготовить путь къ всемірному союзу народовъ; именно о немъ и говоритъ американскій президентъ Вильсонъ.

Я ужъ сказалъ, что государства теперь образовались, и въ каждомъ установленъ свой порядокъ, законъ. Но между государствами—попрежнему лишь право сильнаго, лишь кулакъ, пушки, штыки. Мы видѣли, какъ можно обойтись съ Бельгіей, или Сербіей. Это мерзко, а пожаловаться на грабителя некому. Нѣтъ еще верховнаго суда надъ государствомъ. Такой судъ долженъ быть. Онъ можетъ состоять лишь изъ союза государствъ, ихъ верховнаго совѣта. Тогда домогательства каждаго члена семьи будутъ разсматриваться на этомъ совѣтѣ, и постановленія будутъ дѣлаться по справедливости, а не по силѣ.

Я не знаю, и не могу сказать, добьются ли люди уже сейчасъ такого порядка, послѣ этой войны. Можетъ быть, въ полной мѣрѣ и не добьются. Все равно—это дѣло будущаго, и будущаго недалекаго. По-моему, это произойдетъ тогда, когда во всѣхъ странахъ трудящіеся займутъ первое мѣсто, когда международная связь между ними возрастетъ, окрѣпнетъ, когда окрѣпнутъ и понятія о томъ, что въ международныхъ дѣлахъ не должно быть насильничества такъ же, какъ и во внутренней жизни. По глубокому моему убѣжденію, больше всѣхъ противится такому порядку Германія. Потому—и притти къ нему для Германіи будетъ труднѣе, но и она придетъ. Ей необходимо для этого сбросить своего Вильгельма, выйти изъ національнаго самомнѣнія, стать скромнѣе. Когда она станетъ скромнѣе, то станетъ духовно выше. Вѣдь въ прошломъ Германія дала міру огромныя богатства духа—въ литературѣ Гете, въ музыкѣ Бетховена, Вагнера, дала великую философію—не пустое же мѣсто Германія и нѣмцы. Но они увлеклись тѣмъ, что на древнемъ языкѣ называется «мірскою славой, славой отъ міра сего»,—и заплатятъ за это дорого. Въ гордости и ослѣпленіи отъ успѣховъ техники, они понастроили адскихъ машинъ, всѣхъ себя отдали машинамъ, забывая о томъ, что человѣкъ и его душа—несравнимы ни съ какими машинами, ни съ какими аэропланами, пушками, газами и прочими дьявольскими изобрѣтеніями. Одинъ писатель сказалъ, что теперь иной разъ кажется, будто машина стала сильнѣе человѣка, создавшаго ее; и дѣлается страшно, а вдругъ *машины одолѣютъ человѣка*, и начнутъ жить самостоятельно, какъ сорвавшіеся съ цѣпи злые псы. Да не будетъ этого. Мы всѣ, слѣдомъ за германцами, тоже принимаемъ участіе въ постройкѣ этой Вавилонской башни—имя которой—техника, машины, вообще все матеріальное, все, что противоположно духовному. Поэтому и на насъ есть отвѣтственность въ войнѣ за земныя блага, войнѣ, ведущейся дьявольскими средствами. Мы тоже должны быть скромны, сознавать, что воюя, убивая, мы дѣйствуемъ *только какъ люди;* святые, мудрецы всегда были вдали отъ этого. Люди же рядовые должны все-таки войну принять, ибо принимаютъ жизнь; борются за лучшее, а живутъ, къ несчастію, въ такое грубое время, когда не только достояніе свое, но и само это лучшее будущее приходится добывать съ оружіемъ въ рукахъ. Все же, чѣмъ меньше мы будемъ увлекаться войной, какъ войной; чѣмъ меньше будемъ ее воспѣвать и гордиться ею; чѣмъ больше будемъ смотрѣть на нее, лишь какъ на горькую необходимость—тѣмъ лучше.

Ивановъ задохнулся, опять отеръ лобъ и замолчалъ.

— А пока что, сказалъ молодой солдатъ: должны, стало быть, громить нѣмцевъ, кровь свою проливать за то, чтобы французы

Эльзасъ взяли, а итальянцы Тріестъ? И чтобы капиталисты ихніе наживались? Да если Эльзасъ къ французамъ переходить хочетъ—спросить его объ этомъ. Хочетъ—переходи, не хочетъ—оставайся у нѣмцевъ.

Клугинъ лежалъ на животѣ, и покусывалъ травку.

— Чудакъ ты парень, сказалъ онъ: что же это, такъ онъ и позволитъ этимъ землямъ по доброй волѣ къ французамъ отойти? Это, конечно, пользительно было бы, да не такой онъ дуракъ. Я, то, небось, его видѣлъ. Нѣтъ, онъ не дуракъ.

— Позволитъ, какъ не позволитъ, отвѣтилъ молодой солдатъ, не очень, впрочемъ, убѣжденно.—Позволитъ. А миръ и братство народовъ?—вдругъ выпалилъ онъ, чувствуя, что нашелъ слово.

— То то вотъ изъ-за мира, братства народовъ онъ меня газами и травилъ, сказалъ Клугинъ печально.

Подошелъ заспанный вѣстовой изъ караулки.

— Господинъ прапорщикъ, васъ зовутъ, арестованныхъ привели.

Ивановъ медленно поднялся.

— Ну, опять! Эхъ-ма, товарищи-дезертиры.

Надѣвъ фуражку, оправивъ ремни снаряженія, лѣниво зашагалъ онъ за вѣстовымъ.

Поднялся и молодой солдатъ.

— Ихъ послушать, офицеровъ да буржуевъ, такъ сейчасъ всѣмъ намъ въ окопы лѣзть. Ихъ бы самихъ туда, толстобрюхихъ.

— Да ужъ и ты тоже, зарядилъ одно: буржуи да буржуи, сказалъ Ларіоновъ.—Онъ имѣлъ видъ серьезный, даже нѣсколько мрачный.

— Ну, и поѣзжай, коли хочешь, на позиціи. Иди завтра къ каптенармусу, бери новую шинель.

— Ври, ври, да не завирайся, сказалъ Ларіоновъ строго.—Молодъ очень. И про меня помалкивай. Я, братъ, въ кусты никогда не прятался. Придется, такъ и пойду. Я, братъ, въ японскую войну за хунхузами по мѣсяцамъ гонялъ. А ты тогда еще за мамкину юбку держался.

Минутъ черезъ десять Ивановъ возвратился. Молодого солдата не было, Клугинъ лежалъ теперь на спинѣ, закрывъ лицо ладонями рукъ.

— Значитъ, это мы идемъ, а я какъ въ газовой командѣ былъ, меня ротный около себя держитъ. Идемъ смѣняться, а ротный говоритъ: «Клугинъ, говоритъ, химикъ, никакъ газомъ пахнетъ?» «Такъ точно, говорю—газомъ»—а и вправду я запахъ этотъ почувствовалъ. Кто мало его знаетъ, говорятъ, будто яблоками пахнетъ; да только это вовсе даже не яблоками. Хорошо, маски скомандовалъ надѣть. Надѣли маски, позицію заняли, а тутъ онъ на насъ въ скорости атакой пошелъ, даромъ что сумерки.

Нашъ-то ротный отчаянный былъ, изъ окопа выскочилъ, маску съ себя сорвалъ, только на минуточку, значитъ, чтобы команду громче подать—и тутъ же грохнулся—какъ, стало-быть, глотнулъ этого газа, такъ въ разъ и кончился. Да и я съ тѣхъ поръ кашляю, даромъ что атаку отбили.

Ивановъ сидѣлъ задумчиво, курилъ, вздыхалъ. Оживленіе его ушло.

— Что же, господинъ прапорщикъ, сказалъ Ларіоновъ, сумрачно.—Стало-быть, воевать намъ?

— Да, ужъ такъ выходитъ.

— До коего же сроку, позвольте спросить?

Ивановъ развелъ руками.

— До того сроку, какъ Германія согласится на нашъ миръ—ну, я вообще не знаю хорошенько, каковы именно эти условія будутъ. Только могу сказать, что власть сейчасъ въ нашей странѣ у такихъ людей, что зря наша съ вами кровь не прольется.

— А пока, стало-быть, лей!

— Пока лей, тихо отвѣтилъ Ивановъ.

Всѣ замолчали. Клугинъ лежалъ, попрежнему закрывъ лицо, временами вздыхая. Онъ казался небольшимъ, хилымъ «химикомъ», никакъ не воиномъ. Дать ему косу, плугъ, загонъ въ Рязанской губерніи, и какъ отцы, какъ дѣды будетъ онъ воздѣлывать свой клокъ, не думая о войнахъ, капитализмахъ, газовыхъ атакахъ. Ларіоновъ сидѣлъ упорно, хмуро. Точно бы что-то обмозговывалъ. Ивановъ тоже задумался. И на эти минуты, казалось, всѣ трое отошли отъ обычной жизни; страшныя картины встали предъ ними, тѣ видѣнія войны, предъ которыми слабая душа блѣднѣетъ.

Становилось свѣтлѣе. Рѣдкій туманъ обозначился у Петровскаго парка. Костровъ на Ходынкѣ стало меньше; надъ городомъ погасло зарево, и медленно, слабо, занималось другое, заря вставала, возвѣщая день Москвѣ, полямъ, Россіи и всему бѣлому свѣту, томящемуся въ мукахъ.

Бор. Зайцевъ.

МОСКОВСКАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИССІЯ.
Москва, Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

БРОШЮРЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВА.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 коп.
2. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Два русскихъ Учредительныхъ Собранія 1613 и 1917 г. Ц. 30 коп.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли соціальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Цѣна 30 коп

ПОЯВЯТСЯ ВЪ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ:

7. Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое соціализмъ?
8. Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ.
9. Б. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ Смутное время.
10. Пр.-доц. С. Ф. КЕЧЕКЬЯНЪ. Что такое свобода.
11. Проф. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція.
12. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и современный «большевизмъ».
14. Проф. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. Пр.-доц. Н. Н. ФІОЛЕТОВЪ. Церковь и государство.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ.
17. Проф. М. Н. СОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ.
18. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы.
19. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Что нужно знать каждому русскому гражданину объ Учредительномъ Собраніи.
20. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика.
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. «Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками».
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство.
24. В. БАЙКОВЪ. Страхованіе отъ безработицы.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.